

Хлебников Борис Евгеньевич
студент Царицынского православного университета
при. Сергия Радонежского
и Волгоградского государственного педагогического университета

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ПОЛНОТА ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ: ОТТЕНКИ ИМПЕРФЕКТА

Бытует мнение, что церковнославянский язык непонятен современному человеку. Это мнение представляется поверхностным, ибо внимательное изучение данного вопроса приводит к выводу, что при чтении Священного Писания на русском языке и размышлении над прочитанным невольно остается некоторое чувство неудовлетворенности, как будто что-то не досказано, в то время как церковнославянский текст дает более широкие возможности проникновения в смысловую глубину прочитанного.

Владея языком на дошкольном уровне, человек вполне может общаться в пределах бытовой, обиходной сферы, однако на таком языке невозможно выразить всю полноту и красоту Божьего мира, которую нам открыл Господь через апостолов и святых отцов. Вот одна из главных проблем современного общества – человек не желает работать над собой, чтобы подняться на более высокий уровень, а наоборот пытается опустить окружающее до своего уровня, что является прямой деградацией. Поэтому церковнославянский язык учить необходимо, именно в языке сохраняется культура народа, а «российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием Божиим на славенском языке украшаться будет» [Ломоносов 1952: 591].

Указанная проблема влечет необходимость комплексного изучения грамматических форм Библии для понимания сущности евангельских текстов.

В своем «Предисловии о пользе книг церковных» Ломоносов писал: «Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко

почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали велики христианския церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковныя на славенском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового Завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно» [Ломоносов 1952: 587].

Сказанное выявляет особый характер богослужебного церковно-славянского языка – в силу приятия греческих красот и изобилия и в силу умножения довольства российского слова.

Язык зиждется на двух столпах: имени и глагола, «которые являются выражением одного и того же мира» [Камчатнов, Николина 1999: 62]. К. С. Аксаков писал: «Мир как гармоническое сочетание предмета и действия есть жизнь. Слово как гармоническое сочетание Имени и Глагола есть речь» [Аксаков 1888: 36].

Вместе с тем, при изучении текстов глагол, бывает, остается в стороне и рассматривается как незначительное дополнение к именной части текста, причем в этом случае не берется в расчет то, что он может скрывать в себе смысл всего сказанного, являть себя живительной силой текста. Мир возможен лишь благодаря действию. Предмет, как составляющая часть этого мира, должен себя проявлять, в языке это можно выразить благодаря глаголу. «Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь» [Гумбольдт 2000: 109].

Именно благодаря глаголу мы имеем возможность доподлинно восстановить события прошлого, пережить их вновь. Евангелие является не только Священным Писанием христиан, заключающим в себе своего рода закон

жизни людей, живущих в Боге, их образ, но и историческим свидетельством земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Для нас это повествование, то, что мы представляем в своих мыслях, становится реальным в значительной степени благодаря глаголу. «То, что лишь мыслится как соединимое, становится действительным состоянием или событием. Существует уже не просто мысль об ударяющей молнии, но ударяет сама молния; существует не просто представление о Духе и о вечном как соединимых понятиях, но Дух является вечным. Мысль, образно выражаясь, посредством глагола покидает свою внутреннюю обитель и переходит в действительность» [Гумбольдт 2000: 109].

При рассмотрении текстов Священного Писания особое внимание стоит уделить имперфекту – как по причине его частотности, так и вследствие его семантических особенностей.

В свою очередь, при анализе значения имперфекта необходимо учитывать то, какую конкретно смысловую нагрузку несет его употребление в частных случаях, в определенных контекстах. Рассмотрим некоторые из них.

Очень интересна притча о семени и сеятеле:

И г҃ла ѿмѣ прѣтчѣми многѡ, г҃ла: ѿ, ѿзѣде сѣмѣи, да сѣетѣ: ѿ сѣиущѣмѣ, ѡва падѡша при пѣтѣи, ѿ прѣидѡша птѣицы ѿ позокѡша ѿ: дрѡгѡм же падѡша на кѡмнѣннѣх, ѿдѣже не ѿмѣахѣ землѣи многѣи, ѿ ѡкѣ прозѡкѡша, занѣ не ѿмѣахѣ глубинѣи землѣи: сѡлнцѣ же возсѣѡвѣшѣ присѡвѡнѣша, ѿ занѣ не ѿмѣахѣ корѣнѣи, ѿзсѡхѡша: дрѡгѡм же падѡша въ тѣрнѣи, ѿ взѣде тѣрнѣи ѿ подавѣи ѿхѣ: дрѡгѡм же падѡша на землѣи дѡбрѣи ѿ даахѣ плѡдѣ, ѡво ѡѡкѡ стѡ, ѡво же шестѣдесѡтѣ, ѡво же тѣридесѡтъ (Мф. 13:3–8).

Обратить внимание на эту притчу в особенности заставляет интересный ряд глаголов, выражающих два вида действий. Первый относится к действию относительно семени, но совершённому по воле сеятеля – это аористная форма падѡша. К другой группе относятся глаголы, отображающие дальнейшую судьбу брошенного семени, но (и это интересно!) выражены они разными формами глаголов – аористными и имперфектными – каждая из которых имеет свои семантические особенности. Так, аористные формы прозѡкѡша, ѿзсѡхѡша

употребляются в местах, где говорится о гибели семян, что выражает невозможность произрастания Слова Божия, Которое понимается в притче как Семя, в почве, не принявшей Его. Имперфектная же форма *длѣхъ* употреблена в месте, где описывается судьба семени в доброй почве, то есть в человеке, принявшем Слово Божие, а значит и Самого Бога, впусившем Его в свою жизнь. Употребление этой формы акцентирует наше внимание на интересной мысли: человек, христианин имеет тенденцию к бесконечному развитию, в отличие от человека, живущего без Бога. Именно эту мысль высказывает Гоголь в своем письме к Щ...ву: «По обыкновенному, естественному ходу человек достигает полного развития ума своего в тридцать лет. От тридцати до сорока еще кое-как идут вперед его силы; дальше же этого срока в нем ничто не подвигается, и все им производимое не только не лучше прежнего, но даже слабее и холодней прежнего. Но для христианина этого не существует, и где для других предел совершенства, там для него оно только начинается» [Гоголь 2006: 317].

Одним из основных моментов Святого Писания является торжественный вход Господень в Иерусалим, и для нас он достаточно интересен не только в силу его бесспорной значимости для богословия и исторического анализа жизни Иисуса Христа, но и в силу языковых средств и приемов, используемых для описания этого события.

Шѣдша же оучѣнѣи и сотворѣша, ѣкоже повелѣ ѿма ии҃сх, приведо҃ста о҃слѣ и жребѣ: и возложиша верхѣ о҃нѣ рѣзы своѣ, и всѣде верхѣ и҃хх. Множайшии же народи постилахѣ рѣзы своѣ по пѣти: дрѣвѣи же рѣзахѣ вѣтви ѿ дрѣвх и постилахѣ по пѣти. Народи же предходѣщи (о҃мѣ) и вслѣдствующи звахѣ, глаголюще: ѡ҃сѣнна сѣи дѣдовѣ: бл҃гвенн градый во ѿма гд҃не: ѡ҃сѣнна въ вѣшних (Мф. 21:6–9).

В. И. Супрун отмечает: «здесь четко распределяются однократные и многократные формы прошедшего времени глаголов» [Супрун 1998: 110]. Действия Спасителя и Его учеников несут характер однократности и выражены аористными формами: *приведо҃ста*, *возложиша*, *повелѣ*, *всѣде*. А вот действия народа выражаются уже имперфектными формами, что подчеркивает ликование

и радость народа, вызванные этим событие: *ποῖτῆν αἰχλῶν, ῥῆζαχῶν, ζῶαχῶν*. Этот же народ с тем же рвением и силой через несколько дней желал смерти Спасителя – *ἤθλιχα κοπιᾶχῶν* (Мф. 27:23) – снова употреблена та же форма глагола, и это сравнивает степень желания народом смерти Христа с радостью, которую вызвал вход Божий в Иерусалим.

Прослеживается интересная мысль: в обоих случаях, как говорилось выше, были употреблены формы имперфекта, что акцентирует внимание на значимости этих действий. Временной промежуток, разделяющий эти два события (вход Господень в Иерусалим и суд над Спасителем), очень краток, всего несколько дней, и видно, как быстро поменялось отношение народа. Известно также, что первому событию предшествовало знаменательное чудо – воскрешение четверодневного Лазаря, которое явилось одной из причин торжества, устроенного в честь входа Господня в Иерусалим. Но чудо милости Божией очень быстро забывается народом, который почти мгновенно переходит от чувства радости к чувству гнева. Можно провести и более глубокую параллель между двумя рассматриваемыми событиями, обнаруживающую духовное состояние самих иудеев – пустоту, способную вместить в себя без разбора все то, что может прийти из мира. Такое состояние свидетельствует о настоящем духовном кризисе, в котором угадываются некоторые сходные черты с кризисом, произошедшим у нас в стране в советский и особенно в постсоветский период.

Так из частного употребления форм многократного прошедшего времени на примере Евангелия от Матфея видно, что имперфект способен определять себя как время семантически маркированное с оттенком эмоционально-экспрессивного значения и употребляться на общем фоне действия в тех случаях, когда существует необходимость выделения, акцентирования тех или иных ситуаций / действий / актантов / сирконстантов / атрибутов в тексте Священного Писания, которая, в свою очередь, может иметь более глубокие корреляты – вероучительные, нравственные и другие.

Литература

1. Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках. – М.: Гнозис, 1993. – 232 с.
2. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, в русском переводе с параллельными местами и приложениями. – М.: Российское Библейское Общество, 2004. – 1376 с.
3. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики // Аксаков К. С. Полное собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. Ч. 2. – М., 1880. – 667 с.
4. Алипий (Гаманович), иером. Грамматика церковно-славянского языка. – М.: Паломник, 1991. – 272 с. (репринтное воспроизведение издания 1964 г.)
5. Гоголь Н. В. Христианин идет вперед. – В кн.: Н. В. Гоголь. Ревизор. Выбранные места из переписки с друзьями. – М.: Эксмо, 2006. – С. 317–319.
6. Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
7. Камчатнов А. М., Николина Н. А. Введение в языкознание. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 232 с.
8. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: Труды по филологии. 1739 – 1758 гг. – М.; Л., 1952. – Т. 7.
9. Миронова Т. Л. Церковнославянский язык: учебное пособие. – М.: ПСТБИ, 1997. – 176 с.
10. Супрун В. И. Учебник церковнославянского языка. – Волгоград: Кооператив «Книга», 1998. – 304 с.
11. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. – М.: Просвещение, 1986. – 288 с.